

А. Е. Снесарев

ДНЕВНИК

Май-июнь 1918 года.

21-IV (4 мая) [1918 г.] Москва.

После бессонной ночи спал прочно, хотя было под тонким одеялом холодно. В 10 часов двинулся на Александровский вокзал. Москва пыльна и грязна до неузнаваемости; люди мрачны и бледны; подозрительно косятся друг на друга... мимо на хамовозах (или «б...возах», по выражению Болховитинова) летают солдатские шинели... Прибыл на вокзал, легко нашел поезд и просил разбудить Сулеймана (сначала нашел молодых Тавишерну, Александрова... Ковалевского); вышел Сулейман, небритый и грузный. Первые показывают мне успехи немцев: занято Чертково, возле Валуек кольцом идут наши позиции. Красная Гвардия ведет себя презренно: малый нажим и все отлетает на десятки верст, германец рвет их как паутину. Молодежь настроена оппозиционно, все меня зовут «Ваше превосходительство» и делают нужные реверансы... Здесь все наше и сюда «товарищеский» дух не проходит.

Иду к Сулейману. Он объясняет мне деловую сторону, заставляет написать рапорт (25 р. — со дня выезда), а затем говорит... он понял, нравственно раскаялся и превозносит ум и особенно волевою сторону Ленина и Троцкого. «Первый — сама простота, ходит в старомодном костюме, носит с собою хлеб с маслом в бумажке, — словом, очевидный бессребреник... и легенда о подкупе — явная выдумка. Сильный диалектик, он никогда не станет в тупик... он столп, на котором все держится. Троцкий — воля; он ходит лучше одетый... его иногда сбивают. Остальные — мелкота, хотя идейные между ними есть». Сулейман делит [их] на 3 категории: государственные люди (Ленин, Троцкий +1-2 еще), фанатики и мерзавцы... последних, живущих минутой, масса... Конечно, призыв генералов — вопрос [спасения] шкуры, но чувствуют себя они очень прочно... Все эти наблюдения и выводы Сулеймана — человека глупого и сдавшего, не стоят, конечно, и медного гроша. Меня зовут к Бонч-Бруевичу (Мих. Дмитр.), я вхожу, но наталкиваюсь на двух людей — одного сухощавого, с приподнятым воротничком и бритым по-английски лицом, другого — маленького с длинными, как у художника, волосами, в шведской куртке... его пропускают вперед меня (мы лишь подаем с Мих. Дмитриевичем друг другу руки) — это оказался главоверх Антонов, — а я в кабине остаюсь с другим... Это — комиссар от Донецк. округа (32 года, хотя высматривает моложе, «политически пострадавший»). По его словам, он был 11 лет в каторге за то, что имел при себе револьвер, но в подробностях говорит неясно, что он там делал: «6 лет сидел в Орловской тюрьме», т.е. попался, имея 15 лет от роду... видимо, все врет; раньше, мож. быть, сознательно, а теперь по большой повторности сам уверовал. (...) Об Антонове (сидел с ним вместе в тюрьме .. до эмиграции был офицером): «говорят, что даже знатоки признают в нем стратега... и (помолчав) порядочного»... Что значит этот «порядочный стратег», он, конечно, не знает, но такова уж привычка к словоблудию, претендующему на успех... Он же говорит, что армиями командуют офицеры и у Антонова есть офицеры Ген. Штаба... и все организовано как следует. (...) С контр-революцией биться готовы, а с германцами нет... есть исключения: батальон Ленина и отряд какого-то матроса... «все легли до последнего, а противника побить страшно»... Воображаю! Немцы расправляются сурово [неразборчиво одно слово] с родными советских ... боятся за своих стариков. (Антонов спит в сутки 2 часа, а если соснет 3, то хвалится). Жалеет, что распускают партизанов, а Антонов мог бы погнать немцев, «если бы из центра ему искренно помогали»... Словом, ложь,

преувеличения, слухи, фантазия и отсутствие фактов — хороший материал для темноты.

Антонов кончает, и я вижу его лицо — какого-то блаженного, криво улыбающееся... думаю, что он, мож. быть, и действительно хороший человек, искренний, но блаженный несомненно. Бонч-Бруевич начинает с него: «вот вам... главковерх, форменный младенец, что он может сделать? Жилка есть, есть нутро... жалуется и тоскует»... Антонов начинает о деле... Воронеж и Орел отпадают, как дела маленькие, мне предлагаются округа — Зап. Сибирь и Северо-Кавказский: беру последний; входят 3 казачьих области, Дагестанская, Ставропольская и Черноморская губернии. (...)

Бонча от Антонова переходит к самооправданию, упоминает о нападках на него и приводит какую-то идею ... нескладно и сумбурно. Он указывает мне источники, и мы договариваемся.

От него иду, решив возвратиться к 4 час. (...) Возвращаюсь в 4. Нахожу Болховитинова, Самойло, Зайченко, Ливенцова, Огородникова, Ковалевского (Алек. Никол.) и молодежь. Леонид Митр. засыпал:

1) о своих подвигах на 1 -м корпусе (носит *солдатский* Георгий), а затем - меня отговаривает, но на мой определенный вопрос снова закрутил... Ругает Нов. Время, Филатьева (много испортили, были левее Гучкова, Черемисова)... Крыленко не знает, но «убил бы»... Идем на заседание, и я вижу т. Троцкого... довольно красивый, но типичный еврей, с жестами и даже акцентом... около него адмирал Беренс, который мне приветливо улыбается при здоровании. Троцкий выслушивает, записывает, и затем пробует ломать что-то вроде директивы... Он скоро уходит и Болховитинов за ним. Впечатление обычного жида, каких много. Болховитинов мне описывал их, как и Сулейман, — чем выше, тем почтительнее (такие-то достоинства), а ниже — «рвань»... Болховитинов, как увидел потом, ведет себя недостойно: подыгрывается, провоцирует: 1) эти так наз. буржуазные газеты; почему это они не считают нужным печатать декреты; 2) Скоропадский — это дурак, и все это глупая затея и т.д... впечатление отвратительное. Бонча скверно «докладывает», но унижение маскирует грубым деловым тоном — также подлое... Троцкий, вероятно, замечает, и едва ли это к пользе и почету друзей-однокурсников... это, во всяком случае, лишнее. Я плетусь усталый домой, пью чай с салом и ложусь рано спать без определенной перспективы, где буду завтра разгавливаться... Мне приходит на память мысль о «плохих решениях», так поразившая женку... да и действительно ли хорошо решение? Настроение мое грустно — один, в грязной комнате, накануне Светлого Праздника. Без пасхального яйца и после знакомства с Керенским № 2.

22-IV(5 мая). Москва.

Встаю, не допиваю чая и иду к Ашикам. Николай Владимирович высматривает мертвецом; Галя (22 года) — нескладная и некрасивая девица. Говорит, Саша Вержбицкий повесился 30 мая 17 г. на почве отчаяния от «слобод». Идут визитеры, они забиты, затрепаны, большинство в штатском... мы говорим о печалях наших дней. Все ноют. Хамье их загрызло вконец: уплотнили, заставили все делать самим, хотят заставить чистить сад... Здесь, вероятно, хуже, чем где-либо. Приходит красивая дама, которая от молодого мужа живет с его товарищем, который живет на одной с ними квартире... Обедаю и бреду домой, где за 30 кусков сахара получаю кусок кулича и пасхи. Как будто стало веселее. Ложусь рано.

23-IV(6 мая).

Иду пешком до вокзала и вспоминаю студенч. годы: когда-то по той же панели шел бледный молодой человек и на него многие смотрели, теперь идет старый и угрюмый, и ни для кого он не интересен, раз не видно ни его положения, ни его чина (...).

24-IV (7 мая). Москва.

От Ашиков, проехав на трамвае, я захожу на Бол. Дмитровку к полковнику Ген. Штаба Белому, который ведает делопроизводством по Генеральн. Штабу. Его нет; его два писаря (письмоводители) поехали в отпуск, какой-то мальчишка из 11 № дает мне путаные объяснения... словом, демократично. Обедаю с Болховитиновым — щи, с ветчиной и салом, рыба... обед ужасный, стоит уже 3 р. 50 коп... В 4 часа заседание, где я вижу Подвойского и

Мехоношина, зам. комиссара по воен. делам. 1-ый нерешительное существо, говорит не то... недоношенный... Говорят, он и Склянский — врачи по детским болезням. Он все мямлит, продирается, ехидничает. 2-ой, по словам, писарь Главн. Штаба — молод, мал, свеж, говорит быстро, но вокруг и около, по-видимому, не прочь приврать... (делает «борьбу» с Троцким). Он предлагает, чтобы я выехал немедленно в Царицын (получены были две панические телеграммы, составленные дико, по слухам, говорилось о взятии Ростова немцами, что оказалось неправильно... Подвойский дает мне 5 дней)... Я спорю и горячусь, видимо, Подвойского задеваю... Бонча читает резкий вывод о всеобщем безделье, особенно по адресу Московск. округа, и заключает, что если так будет идти дело, то он бесполезен... Какое бы ни было правительство, но его приказ должны исполнять... Съели. Выбирается комиссия из Болховитинова, меня и Мехоношина, которая должна скоро работать. Мехоношин уходит, мне Болховитинов дает адреса, и тем дело кончается... Дождь, я переезжаю к сестре (Пречистенка 28), часа полтора-два жду у дверей (...) и усталый и грязный вваливаюсь в комнату... ем гусятину, пью чай и валюсь как убитый спать... На душе неважно: втюхался в историю, несомненно... хорошие решения приходят при хорошей обстановке, а у меня что-то в машине «сошло с шурупов»...

25-IV(8 мая). Москва.

Захожу в Эрмитаж, долго ищу Акимова (по интенд. части), не нахожу — жил, не жил; в гостинице нет даже регистрации жильцов, прошу какого-то чина передать Акимову просьбу, но чую, что будет зря... Сажусь не на тот трамвай и к 11 попадаю на вокзал... Застаю Масловского (Серг. Дмитр.), организатора партизанских отрядов. Он — левый социал-революционер, постарел, полинял, бегаёт глазами... Что сказал бы его батюшка, военный историк? Он много мне рассказывает про «армии» Антонова и т.д. В связи со мною прочитанными бумагами (доклад Ланге и др.) и рассказами офицеров партизанских отрядов картина получается такая:

а) Армии невелики, иногда остается 300-400 человек, состоят из отрядов, живущих в поездах. Поезд стоит на парах со своей бригадой, машинистом и т.д. В вагонах награбленное добро. Из поезда люди не выходят или [выходят] не далее 200-300 шагов. Тягота к награбленному страшная, боятся потерять. Поэтому, как только немецкий разъезд, то на всех парах прочь... Много девок, пьяность и разгул...

б) Начальники выборные не имеют никакой силы, т.к. более низкий начальник [*слово, взятое в скобки, неразб.*] тоже выбранный и его не тронь: за него люди. Сами говорят: выборное начало ничего не стоит...

в) У Антонова нет даже карт. Работает и день, и ночь; к нему все и за всем, начиная от портянок, больше за деньгами... Счета никакого. Блаженный главковерх сам говорит: «надо бы вести учет, да у меня куда-то исчезли 2 миллиона»... Имя имеет какую-то обаятельность; слова: «я пришел от товарища...» укрощают всякого зверя. Тактика Антонова детски проста: услышит, что немцы наступают, и направляет все туда; то же при маленьком успехе... 4-я армия, да и другие по целым неделям не дают о себе знать... связи никакой. Офицеров Ген. Штаба нигде нет (Малаховский — сапер).

г) Убить ничего не стоит. Трофимовский просит ручные бомбы; ему присылают, но без капсулей; просит [*неразб.*], но присылают другого типа. Он едет, находит заведующего снабжением и собственноручно вешает. Блаженный кладет резолюцию: «жаль... хороший был человек, но если Трофимовский сделал, вероятно, справедливо»

д) Окопов нет... Исключая 4-ую армию Сиверса, но и тут батальоны инородцев: 2 китайцев, 1 — баварский, 1 — прусский, латышский... есть и порядок, и дисциплина. Сиверс — молодой прапорщик, разумный...

Сегодня нашел Носовича и после некоторых раздумий уговорил его. Он берется за работу... Вечером был в отряде партизанов, где собралось 5 Акутиных... 4 отказались, 1 так себе... Пришел

26-IV(9 мая). Москва.

Поднялся с головной болью. Автомобиля не подали. Пошел к партизанам,

поговорил с Носовичем, затем завернул на Поварскую 20, где договорился с интендантом Иосифом Михайловичем Рождественским. (...) Болховитинов живет в вагон-салоне № 468, историческом, в котором ездил когда-то Столыпин, потом Керенский (забывавшийся в угол кожаного дивана с ногами, когда ему делали доклад). Из этого же вагона тянули на самосуд Духонина... Все эти 3 разных эпизода оригинально мутят воображение, когда задумываешься над ними...

Получил от женки телеграмму: «Москва, Александровский вокзал. Бонч-Бруевичу, Снесареву (из Острогжска 8-IV — 16 ч. 15м.). Христос Воскресе целуем здоровы благословляем телеграмму получили»... Хорошо придумала адрес... женка находчива... В 6 1/2 часов у меня было заседание... Иосиф Михайлович занялся составлением сметы. Он же рассказывает, как у них обстоит дело в Продов. Коллегии; Акимов постепенно удаляет товарищей как ненадежный хлам. Грозил, собирали фракцию, но Троцкий цыкнул... и замолчали — боятся его страшно. Среди товарищей 1-2 (Юркин, Ковалев) идейные и честные люди, но большинство примазавшаяся дрянь — воры и громилы; грабеж и расхищение идут несказанные; возле продовольствия — большей частью жида. Троцкий анархистов скрутил в одну ночь (руководили операцией очевидно офицеры, слишком уж ровно и гладко прошло дело), среди них большинство — каторжники и вообще уголовные... они все «куда-то делись», очевидно, застрелены: или «беги» — и вслед за ними, или к стенке и из револьвера... Об этом не говорится, т.к. «смертной казни нет»... Секретарь Носовича рассказывает, как в Рыбинске расстреливали 5 молодцов, вырезавших семью: 15 красногвардейцев остались сзади, а передние развязали веревки и в сторону; сначала в воздух, а потом по молодцам... они бледные и растерянные мотались, бегали, падали наземь плашмя, а по ним охотились... потом за ноги и в яму; один был еще живой. Кругом стояла масса народу, следившего за охотой с живейшим интересом... На следующий день стояла толпа народу в расчете увидеть такое же зрелище...

28-IV(11 мая). Мск.

Формирование идет, намечаются главные персонажи. Был на вокзале, где Болховитинов дал мне массу законодательной бумаги. Он дерзок на словах — сплошное актерство и «деловитость», но ему отвечают тем же. Много говорил с Ал. Ник. Ковалевским — он готов идти ко мне, но — вопрос нравственного порядка... выяснил ему личную плоскость, и он успокоился. Признает, что и Бонча, и Леонид Митрофанович предадут брата родного... и довольно дешево. Из разговоров выясняю поведение товарищей... много интересного сообщает Иосиф Михайлович (жена Надежда Федоровна): а) из нескольких десятков выпущенных миллиардов только небольшая часть зафиксирована как пошедшая на дело, большая часть — прилипла к рукам и где-то застряла... б) в их хоз. коллегии товарищи живут прекрасно: берут себе лучшее и сколько влезет, захватили особняк, 8 автомобилей, завели 3-х поваров и... живут: для коллегии готовит один повар, для прислуги другой... и разное. Под Пасху один автомобиль на целые сутки был послан в окрестности Москвы, чтобы добыть творогу для Пасхи. Накануне сами уехали в Звенигород и... праздновали: «свободно, не мешают с докладами»... Иосиф Михайлович убежден, что идет страшное расхищение народного блага, особенно евреями, и что это почувствуется после, когда все в России перейдет к ним.

В том же духе рассказывает Мих. Алексеевич Колюбакин. (...)

29-IV(12 мая). Москва.

Встал 8 1/2, поговорил (обещал Ашику место на крайний случай) и в 10 ушел. Дома застал записку Болховитинова, что в 12 час. я получу у Склянского аванс. (...) Новая (раб. народн. красн.) армия носит кокарду, что-то вроде красного пятиугольника с эмблемами труда пахаря и рабочего; такой же знак носится некоторыми и на груди (Троцкий, Мехоношин...). Знаточи говорят, что это знак еврейский (старый или символ или знамя?). Во всяком случае, это характерно...

30-IV(13 мая). Москва.

Сегодня около 12-ти я и Анатолий Леонидович пошли на Новинский бульвар получать деньги. На дороге нас нагнал полит. комиссар Карл Иванович Зедин, латыш, прапорщик морской службы. Латыш как латыш, простой, деловой, несколько фантазер;

работающий над докладом «национализация флота». Получили 146.100 руб., из них взял и Зедин — 15 тыс., индентант — 15 тыс., остальные Носович... стал очень ценным. С Зединым спорили... ничего, лучше других и, кажется, ужиться можно. (...)

1-14/V. Москва.

День обычный: приходят, был на вокзале. Много говорили с Болховитиновым; наедине со мною он сильно правее... Филатьев, оказывается, читал «Русское знамя», теперь здесь В. Новицкий, сегодня хотел с Троцким говорить по прямому проводу, чтобы сказать, что его не поняли... Лучше уж дать себя зарезать как барана... Сегодня получил директиву, которая меня окрыляет — задача чисто боевая и притом с немцами... могу на «контр-революционеров» махнуть рукой...

На Пречистенке видел даму, с трудом несшую чемодан и узел... Куда это она тянется? Усталая, бледная, еле волочащая ноги... Вот она нужда-то! Видел сегодня фон-Мекка (Марка Николаевича), бывшего собачника. «Организаций здесь много, но реальной цены не имеют... Советы очень нервничают из-за дел в Восточн. Сибири, где дела, видимо, растут...» Отец его остается на местах (председ. Моск.- Каз. жел. дороги), много работает и кое-как ладит с товарищами. Тоже ищет место... Надо же думать о куске хлеба... Одет очень хорошо... прежний. (...)

2-15/V. Москва.

Был сегодня на вокзале (обед 2-ой день лучше). Делать ничего не делал, лишь помогал полковникам разобраться в Туркестанской дислокации. В 4 часа зашел в В. В. Совет, но Бонча меня почти «не пустил», а Троцкий сидел желтый, мрачный и нервный... вероятно, плохо приходится. Карл Иванович рвет и мечет: он нигде никого не застает и никто ничего не знает... «Прежде был бюрократизм, а сейчас еще хуже... получаю жалование и ничего не могу сделать... мне стыдно». Какой чудак, если искренно, то это вот социалист. (...)

3-16-V. Москва.

Трифонов прислал телеграмму, что контр-революционное движение на Дону растет и что генералы Попов и Деникин все отрезали на линии Лихая-Царицын, т.е. настоящие донские округа и южно-донецкие станицы... в связи с захватом Усть-Медведицы создается действительно угроза Царицыну, т.е. полный отрез юга России... По секретным сведениям Ковалевского, Оренбургские и Уральские казаки соединились; казаки дерутся иначе — поняли — доходили до Николаевска, угрожают Самаре...

4-17-V. Москва.

Вчера был у меня Ал. Ник. Голицынский и рассказал, как его вели в бывш. дом Генер. Губернатора, угрожая то прикладом, то штыком через каждые 5 шагов, как он сидел в Бутырках на досках. У него остался прослед в форме боязни выходить вечером...

5-18-V. Москва.

... Генерального Штаба Зыков ехал с Румынского фронта, и поезд остановлен Марусей Никифоровой (обычная девка в папаше, но красивая), окруженной матросами, анархистами-коммунистами. У офицеров стали искать оружие, у трех нашли и тут же расстреляли. Он случайно передал револьвер денщику, но все же спасся благодаря просьбе священника и 3-х лишних голосов в его пользу... Словом, висели на волоске [от] смерти многие.

Болховитинов говорит, что меня торопят и что в [одно слово неразбор.] кругах версия, что Носович собирает своих гвардейцев, родичей, контр-революционеров... Это ложь и не он ли автор? Вечером пошел к Носовичу, подождал немного, а потом он проводил меня до дому... рассказывая про свои злоключения.

6-19-V. Москва.

Вчера подал Бонч-Бруевичу письмо, в котором поднял вопрос об участии в гражданской войне. Товарищи одобрили мой шаг: надо же, наконец, решить этот вопрос и поставить точку над і, иначе все здесь крутят, в частной беседе успокаивают, а ясного ответа не дают: Болховитинов виляет: этим ведает там какой-то тип. Бонча — они [видимо, белые. — *Ред.*] могут мешать оперативной линии, т.е. указывает выверт; Потапов, участник при всех созданиях декретов, говорит категорически, что это не наше дело...

Стогов попросту высказывается так: «Как же это вы будете воевать против Петра Харитоновича». Словом, слов много, а дела нет. Сегодня на заседании (я, Карл Иванович, Алек. Григ., Чекунов, Носович) этот вопрос выплыл резко и пришлось на него ответить ясно, в тоне письма. Сначала как-то вышло нескладно (неужели они меня сочли за товарища?), а потом стало сглаживаться. Селиванов по искренности примкнул и понял, а Карл Иванович, очевидно, был огорчен. У меня упала гора с плеч: было бы тяжело хитрить и обманывать неплохих по натуре людей...

8-21-V. Москва.

Вчера был у Анатолия Леонидовича [Носовича] и выслушал рассказ его супруги о делах на Украине и об ее путешествии... Все печально, но накладываемая на Украину рука германца — удручающая; и сколько во всем презрения к русскому народу, к его отсталости, лени, неумению... Смеются даже австрийцы-пленные, едущие из России и раздобревшие на ее хлебах... А между тем, наши пленные едут конченные; изнеможенные, голодные, шатающиеся от ветра... они просят хлеба сухими губами, они уже не жильцы на этом свете...

В 4 часа состоялось заседание В. В. С. Сначала очередные вопросы предлагал Леонид Митрофанович. (Он на себя добровольно взял и [одно слово неразб.] задачи: указывать на промахи и передержки газет, на этот раз «Анархии».) Затем появилось много железнодорожников во главе с Невским (...). Железнодорожники уходят и мой вопрос. Троцкий читает, как будто немного озадачен или недоволен, я развиваю мои тезисы, немного расширяя рамки и уединяя будущую армию. За мною говорит Бонч-Бруевич, что надо немцев считать главными врагами. Карл Иванович ставит определенно и находит возможным снаряжать легкие отряды с подходящим военным руководителем... Я быстро поддерживаю его... Начинает говорить Антонов, говорит умно и дельно, чисто по-военному: «единство фронта, трудность разграничить, элемент партийности в самом вопросе». Я поворачиваю в область нравственной платформы, но чувствую, что совершенно одинок: «товарищи» поддержать меня не могут, а товарищи предали; Потапов Ник. Мих. накануне говорил, что это дело нас не касается, Болховитинова я просил, Бонча что-то говорил, как-то само собою вопрос снялся с рассмотрения. Троцкий все же что-то говорил о компромиссе, о решении на месте. На душе у меня неважно, но я свое дело сделал, бумага была рассмотрена и не сказано ни «да», ни «нет»...

Я побрел домой, где Настя рассказала мне, как в Троицкую церковь (Пречистенка) явились два вооруженных латыша в шапках; с ними поговорил староста фон-Мекк (отец Марка Ник.), и они ушли, а затем их пришло шесть; старшой стал говорить: «Что это за собрание, какой там Николка?..» (Был храмовый праздник.) Более робкие стали уходить, солдаты также ушли. В массе молящихся большое раздражение.

9-22-V. Москва.

Мне был намек: нужно Болховитинову (через Ал. Ник.), чтобы я явился на прощание, что я и сделал. Самое дружественное расставание, поцелуи и пожелания. О позавчера — ни слова: его не было. Я высказываю надежду, что поработаем и успеем... Оставляю их со впечатлением, что я полон оживления и надежд. Прошел домой и стал поджидать Носовича. Тоска страшная, так и сосет. Правильно ли я делаю, на верный ли я стал путь? Я полон сомнений и хожу из угла в угол; мысли нервны и кружатся бестолковым ходом. Ехать не хочется. (...)

24-II-V, Москва.

Собираюсь ехать, но является Зедин, и мы идем получать 350/т... мытарства... наконец, в 2 часа я дома, пью молоко и прощаюсь, видимо, с Настей. Молимся... Настроение страшно тяжелое, суеверие поднимается по всяческому поводу. В 3 1/2 часа приезжаю (извозчик ругается вовсю), рассаживаемся, маленькие qui pro quo [лат. путаница, когда одного принимают за другого]. С Зединым кое-как договариваемся. В 10 1/2 трогаемся, и я ложусь спать. Настроение лучше, и я понял, что источник тяготы — необходимость работать в «товарищеской» среде, и когда что-то устроено, чувствуешь себя лучше...

25-12-V.

В пути. (...) Сегодня путь через Козлов, Грязи (3-5 часов) и т.д., уже хлеб, яйца... тепло. Что значит отсутствие транспорта! (...)

26-13- V.

(...) На Себряково около 10 часов. Долго здесь ждем начальство. «Заместитель» батальонного командира 6-го Царицынского полка дает картину 2-х «маршевых» рот. Он — дикарь в военном отношении (бывш. унтер-офицер), забывший даже обязанности отдел. начальника (число патронов, чистка винтовок... он об этом не знает). Люди сидят в вагонах. Не знает, что и как, от кого-то чего-то ждет, ни с кем не связавшись; разведкой называет посылку двух всадников за 4 версты, когда наши еще на 3 версты дальше и т.п. Ни приказать, ни руководить не может, да и послушаются ли? Он на это не отвечает... вероятно, нет. Сколько же патронов? Кроме [тех, что] на руках (120-150), запас по счету — 20 патр. на винтовку.

Затем входят Миронов и 2 товарища (они называют себя военной коллегией, тройкой). Миронов дает объяснения. Он — бывший подполковник, из казаков Усть-Медведицкой станицы. Он пробует: поставил авангард (7 верст), силы разбросаны... сборных пунктов нет (он постарается), сигналов для сбора также. Он только что приехал и стал входить в дело, но уже 2 «дружины» вынесли ему недоверие. Поет о сознательности да об осуждении своей головы кадетами. Наблюдательный пункт артиллерии понимает как холмик, с которого лучше видать. Словом, темнота порядочная, но все же что-то делает. Но «сознательные» в сберегании шкуры это чувят и спешат создать настроение... оно придет... Я даю указание, как выправить слишком прижатое к реке расположение, наладить связь; говорю об общей цели и вытекающих частных задачах. Он не то соглашается, не то пробует оспаривать, но, главное, у него нет ни почвы, ни веры. Все это народ кормящийся или развлекающийся и очень редко искренний. Но часто темный работник... Дело выходит гнилым и надежд мало.

... В 12 час. (-15 мин.) приезжаем — Царицын: грязь, красный флаг над вокзалом, идет дождь. Стали на запасный путь. Молодежь поехала. Ходим по городу. Устанавливаем контакт. Около 4-5 час. на берегу Волги: простор и роскошь. Чувствуется прекрасно. К 8 час. приходим в штаб обороны, где к 9 час., наконец, устраивается заседание. Председатель — Минин — несомненное дарование, привычка, осторожность, воля. Он с места берет удачный тон и ставит вопросы на деловую точку. Говорит еще Ерман, малый неглупый, но легче легкого... Остальные слушают, трудятся, исполняют. Безлюдие несомненное. Я говорю краткую речь, кое-где подогревая слова, осторожно и осмотрительно... такая аудитория для меня впервые: в шапках, курят, говорят, входят... Практически останавливаемся на вопросах: 1) участия в Исполн. комитете, 2) ликвидации воен. коллегии Трифонова (parvenu, вероятно растративший суммы и ничего не сделавший... пожалуй и алкоголик), 3) сближение специалистов и взаимное ознакомление; 4) прирезка к нашему округу Царицынского уезда, Астраханской губернии и западного побережья Каспия с Баку...

3 дня тому назад в Сарепте был обезоружен 1-ый революц. полк (властями из Царицына), на каждом солдате нашли 105 золот. монет и 1 пуд 3 фунта серебром (800 чел.)... командир с мешочком скрылся. Подкрались (служба у полка обычная), окружили, поставили пулеметы, орудие и приказали положить оружие, оставив по 2 часовых стеречь имущество (рядом с ними 2 своих), а потом и этих обезоружили. Рассказал один из потерявших, пришедший наниматься в Красную Армию.

28/15-V. Царицын.

Вечером в местном музее заседание Исполн. комитета под председательством Ермана, всего более 50 чел. Настроение деловое, серьезное. Обычный тон (предварительно): кричат, галдят, курят, в шапках... улица. Какая-то баба с папироской во рту вырывает у Носовича стул, оставленный только что Ковалевским. Носович удерживает: «придет», та упорствует: «не дам, должна исполнить приказание Исполнительного комитета». Носович уступает, и баба уносит 4 стула; затем их приносит и расставляет по старым местам какой-то солдат, а скоро опять уносит баба... Мы идем в комнату, где постепенно набирается народ — есть и в годах, лица серьезные, но... темные.

Программа: создание воен. Комиссариата + военная коллегия + много местных. По поводу создания: 1) с оперативным отделом я примыкаю, а затем говорю почему: описываю виденное, кое-что хвалю, о неисполнении боевых приказов (думаете, что наш каприз? Нельзя воевать, а главное, губим зря человеческие души), а особенно при описании антисанитарии (скверно... врачей нет, фельдшера без сумок, — люди будут гибнуть и от малой раны. Разве это можно? Он не хочет идти в бой, но смеем ли мы посылать? «Я волнуюсь»? но вы поймите — мне, как и вам, жалко людей). Я приподнимаюсь. Делаю вывод: улучшить начальников, организации и отряды. Результат: какой-то пробовавший будировать Володя внес резолюцию о прекращении прений. Они продолжаются. (...)

16/29-V. Царицын.

Остаемся все еще в вагонах. Дамы ищут квартиры; настроение у жителей, по их словам, динамическое; ждут со дня на день казаков, следует запастись водой и хлебом: будет бой...

7/30-V. Царицын.

Утром атакуют с поездкой на Кубань: там ждут, нужно... я решаюсь ехать в 6 час. Вопрос с Трифионовым, который заведомый подлец. Спорим. (...)

31/18-V.

Путь Царицын-Тихорецкая. В 5 часов опрос на станции Жутово. Народная война и народная милиция, и там, и там казаки, — у них ни снарядов, ни патронов, — на убитом 15-17 патронов. Взаимная жестокость страшная: пленных нет, сейчас же «под стенку». Убивает отец сына, продает 1-ый 2-го и наоборот (Нагаевская, Вер. Курмоярская). Кругом степь, родные места, встают картины детства, узнаю каждую полевую травку. Я еду мимо могилы отца, которая там прямо предо мною в верстах 70-80. На мгновение мне кажется, что я приеду в Камышевку, как когда-то давно я попадал неизменно в нее со всех сторон... на душе тихо-грустно, но не тяжело: было и отжито, что делать...

В Великокняжеской около 3 часов. Говорил с Васильевым (вахмистр 52-го казачьего полка), фронт которого от Романовской до Маныча, 7 отрядов — 7 тыс. Он подробно говорит обо всем, видно знание. Относительно отрядов говорит, что сторожевая и охранительная службы вероятно исполняются, но боевые приказы «по соглашению» (сначала поговорю, митингуем, а потом отдаю приказание). ... Измучился... особенно с 1-м Платовским: хотят — идут, хотят — нет, «карт у нас нет... на глазок». Я: «почему не преследуете?» Он: «казаков у нас мало — в том-то и дело... больше крестьянство» (т.е. иногородние). Моя идея подтверждается. Потом некто Сизов (или...?) — нач. артиллерии какой-то армии, говорит о своих работах (сидящий с ним рядом матрос хвалится, как в Ростове ударили в колокол... а мы по нем из 12 орудий... я отхожу, матроса никто не поддерживает). Зовем нач. бронирован. поезда, чтобы он встретил на Торговой, а он прикатывает к нам (Козлов) — 3 орудия, 12 пулеметов, 60 чел., 4 сестры милосердия (нет ни больных среди молодцов на подбор, ни раненых... исход один). На бронированном поезде ребята веселые, живые, радостные... жизнь! У них красное знамя (интернационала), а мелом на броне написано, что свободу они предпочитают смерти...

1-VI/9-V. Тихорецкая.

В 5 часов прибываем, попили чайку и пошли в штаб Калнина; здесь нашли Куликовского (замест. нач. штаба), который нам передает обычную картину: много отрядов, «штабов», внутренние трения, отсутствие специалистов... все лезут к Калнину (начал службой в обозе, потом прапорщик и дошел до штабс-капитана), даже за подметками... а, главное, не исполняются приказания: а) эшелон грузится 2 дня, а на границе бой; б) нельзя собрать никаких сведений: где, что, сколько...

По-видимому, немцы, не будучи в силах взять Батайск с фронта, берут его обходом на Ольгинскую и Хомутовскую. Мы пьем чай с маслом, сыром, редиской, медом и с прекрасным хлебом. Карл Янович даже стыдится есть, помня о голодающей Москве.

Противник у Торговой в 20 верстах (между Торговой и Целинной, в 5-6 к западу от жел. дороги наша позиция... отряд 2 тыс. в Торговой, а в окопах 2 тыс. местных организаций. Эти обещали держаться, но в один день поставили чучела и ушли, не

предупредив. Чуть не вышла катастрофа. Они — предел, еще слабее основных.

Об Автономове и Сорокине Тихорецкий Совдеп говорит как об авантюристах, идущих к диктатуре. Полковник Шульский назвал их штабы «бардаками на колесах». Балуют людей, все разрешают, игра идет до ставки в 40 тыс. на карту. Особенно балует людей Сорокин... сопляки... разврат, мож. быть умышленный.

Калнин приезжает в 6-7 час. (испортился дорогой паровоз), мы сходимся и беседуем. Картина исключительная: тут же Жлоба (подчиненный Федько, начальник небольшого конного отряда), который передает Калнину (главнокомандующему), как Миронов, составлявший его правую колонну, внезапно, по приказанию Сорокина, ушел с пути и обнажил фланг Жлобы; «я не в первый раз попадаю»... Он уходит, получив от главнокомандующего какое-то устное приказание. (...) Мы продолжаем обсуждение. Картина также исключительная: множество отрядов, включая Середу с Марусей (Никифоровой, объявленной 2 недели тому назад вне закона и теперь работающей в лесу к северу от Кагальницкой станицы), они подчинены Федько (начальнику по внутреннему фронту), но лишь в том смысле, что отдавши безграмотное распоряжение (во столько-то двигаться туда одному, во столько-то другому туда, и точка), он затем мечется от отряда к отряду... связи нет, исполнительности нет: не то пошли и куда-то дошли, не то совсем не пошли. Сорокину подчинены два «фронта», но что это значит, не видно — сам он о расположении частей почти не имеет никакого представления. Он же не подчиняется до сих пор, считает себя главнокомандующим, выкидывает фокусы вроде отозвания Миронова. Сам Калнин — трудолюбивый, фанатик, партийно чистый, но безграмотный, бессильный, не разбирающийся в огромной роли...

[Остальные 60 страниц дневника А.Е.Снесарева за июнь 1918 года вырваны].